

Воспоминания об учителе

К 90-летию со дня рождения профессора Б.А. Березовского

В 2013 году исполняется 90 лет со дня рождения профессора Бориса Абрамовича Березовского. Если подойти формально, то он — человек, создавший кафедру фтизиатрии в Винницком медицинском институте им. Н.И. Пирогова (теперь — Национальный медицинский университет), подготовивший группу ученых и преподавателей, выучивший тысячи студентов, активно участвовавший в последипломной подготовке врачей и многое другое. Только за это достоин доброго слова, долгой и доброй памяти о нем. Но мы — его ученики, конечно же, более других обязаны ему тем, кто мы есть, и помним его как живого и неповторимого человека.

Б.А. Березовский — основатель кафедры фтизиатрии

Началом истории кафедры фтизиатрии в Винницком медицинском институте им. Н.И. Пирогова можно считать 1954 год, когда преподаватели кафедры факультетской терапии под руководством выдающегося отечественного терапевта профессора Б.С. Шкляра и доцента кафедры —

ученика В.П. Образцова — В.О. Сафина начали читать лекции и проводить отдельные практические занятия по фтизиатрии. В этом же году на кафедре была создана отдельная должность ассистента по курсу туберкулеза и на 4-м курсе лечебного факультета выделено 14 часов практических занятий. С 1957 года была выделена должность доцента на кафедре факультетской терапии (ее занял Б.А. Березовский) и дополнительно — должность ассистента для преподавания курса фтизиатрии (ее занял прекрасный клиницист-фтизиатр Виталий Васильевич Марчак).

С 1969 года штат ассистентов значительно увеличивается, а с 1971-го создается собственно кафедра фтизиатрии. Ее основателем в Винницком медицинском институте им. Н.И. Пирогова был доцент (затем профессор) Борис Абрамович Березовский. Именно по его инициативе курс фтизиатрии при кафедре госпитальной терапии превратился в самостоятельную кафедру, в составе которой было 10 человек, включая должности профессора, доцента, пяти ассистентов, клинического ординатора и двух лаборантов.

Фтизиатрию преподавали на 4-м курсе лечебного, 5-м педиатрического и на 6-м лечебного и педиатрического факультетов в объеме 120 часов. Клинической базой кафедры тогда был Винницкий областной и городской противотуберкулезный диспансеры, расположенные в живописном районе Винницы — Пятничанах.

На кафедре фтизиатрии начали работать ассистенты Иван Юрьевич Осийский (потом доцент), Владимир Степанович Голанов (потом доцент), Изабелла Ивановна Попова, Владимир Устинович Василик и Владимир Григорьевич Гончаров. Несколько позже к ним присоединился ассистент (потом доцент) Георгий Григорьевич Закопайло. В 1979 году к кафедре был присоединен курс фтизиатрии факультета усовершенствования врачей, который возглавил доцент В.С. Голанов, а с 1992 года по инициативе профессора Б.М. Пухлика при кафедре был создан курс клинической иммунологии и аллергологии.

Позже на кафедре и курсе фтизиатрии работали доцент Владимир Александрович Кучер, ассистент (затем профессор, а с 1992 года — заведующий кафедрой фтизиатрии) Борис Михайлович Пухлик, ассистент (затем профессор, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней) Юрий Михайлович Мостовой, доцент Раиса Юрьевна Салобай, ассистент Людмила Владимировна Михей. В 1988 году в связи с расширением преподавания фтизиатрии в штат кафедры на должность ассистента приняли Сергея Викторовича Зайкова, который позже стал доцентом, а затем и профессором кафедры. С 1992 года в связи с организацией курса клинической иммунологии и аллергологии в штат кафедры зачислили Ольгу Брониславовну Бондарчук, Ирину Владимировну Корицкую, Людмилу Григорьевну Кулик, Александра Петровича Незгуду (сейчас все они доценты кафедры).

За истекшее время, кроме этих ученых и преподавателей, на кафедре плодотворно работали Анжела Анатольевна Зайкова, Павел Михайлович Остапчук, Инна Викторовна Березюк, Светлана Вячеславовна Лановая, Лидия Николаевна Кириченко, Светлана Николаевна Куляс (все стали кандидатами медицинских наук), старшие лаборанты и лаборанты Лариса Давыдовна Котляр, Татьяна Анатольевна Козловская, Ольга Людвиковна Бобело, Оксана Ивановна Маланич и другие высококвалифицированные ученые, врачи и лаборанты.

Б.А. Березовский — ученый и личность

У всех нас с годами меняется представление о человеке. Во времена нашей молодости четко сложилось представление о том, что Борис Абра-

мович Березовский — немолодой солидный человек, компетентный во всех сферах жизни и тем более науки, принципиально не такой, как мы. Действительно, он — фронтовик, прошел нелегкую жизнь, воспитал двух дочерей, имел в семье постоянного научного «оппонента» в виде высокообразованной (кандидат медицинских наук, ортопед) и высококультурной жены — Веры Абрамовны (ныне здравствующей), выделялся общей культурой, интеллигентностью, оборотами речи, строгостью в одежде и поведении.

Теперь, когда мы «вошли в возраст» нашего Учителя, понимаем, что различия между нами не столь принципиальны. Он был веселым, остроумным, всесторонне образованным человеком, каких сейчас, к сожалению, мало. Его юмор был тонким, сарказм — острым, но не уничижительным, начитанность — всесторонняя. Да, он был нередко мнителен, неуверен, иногда менял свои решения, ошибался в людях. Просто он был человеком со свойственными всем достоинствами и недостатками.

Что было в нем главным: компетентность, высокая клиническая грамотность, дар лектора и оратора. Он прекрасно знал фтизиатрию и был, если так можно выразиться, ее фанатом. Не секрет, что сейчас многие фтизиатры, понимая, насколько работа в клинике туберкулеза тяжелая и неблагодарная, «мигрируют» в пульмонологию, где интереснее и «публичнее». Борис Абрамович был ортодоксальным фтизиатром, хотя и прекрасно разбирался в пропедевтике внутренних болезней, был широко эрудирован в диагностике и лечении сходных с туберкулезом легких состояний (пневмонии, бронхиты, рак легких и др.). То, как он физикально обследовал больного, могло войти в любые монографии и учебные фильмы. Это проистекало из тесного контакта со знаменитыми терапевтами — профессорами Б.С. Шкляр, Р.И. Микунис и др. Осмотр пациента и его нюансы, пальпация, перкуссия, аускультация — здесь ему было мало равных. Теперь многие врачи игнорируют эти методы, ориентируясь больше на рентгенограммы, компьютерную диагностику. Но, на наш взгляд, грамотное физикальное обследование давало мыслящему врачу (а именно таким он был) много информации. Тем более что и рентгенодиагностика была далеко не «слабым местом» Бориса Абрамовича. Не забудем его дискуссии с врачами-рентгенологами, после которых они нередко пересматривали свое мнение о результатах рентгенологического исследования у больного.

Очень важно, что все это — осмотры и обходы больных, рентгенологические консилиумы и конференции он проводил, привлекая сотрудни-

ков кафедры. Советовался с нами, хотел услышать точку зрения каждого, хотя, возможно, будучи значительно грамотнее нас, в ней и не особо нуждался. Учил нас, «прощупывал» клинический уровень, ибо очень дорожил авторитетом кафедры. Считал, что сотрудник кафедры как профессионал должен быть намного грамотнее любого практического врача, востребован в своем отделении и в диспансере. И при его руководстве так в основном и было.

Мы не считаем себя такими уж плохими лекторами и докладчиками, однако сознаем, что нам далеко до уровня Березовского, поскольку он умел даже незначительную, на первый взгляд, проблему подать как важную, показать с неожиданной стороны, «окружить» сравнениями и указать на перспективы. Украинские фтизиатры знали его уровень и всегда с удовольствием слушали.

Борис Абрамович не искал «первых ролей» в организации чего бы то ни было, однако умел сделать это, используя сильные стороны своих сотрудников. Именно в Виннице при его жизни и после были организованы многочисленные съезды и конференции масштаба СССР и Украины, на которые с удовольствием съезжались лидеры фтизиатрии, пульмонологии и аллергологии.

Был всесторонне образованным, начитанным, эрудированным. Во многом такой тон в семье задавала его жена, которая прекрасно музицировала, знала многие нюансы литературы и культуры. С ним можно было подискутировать на любые темы, исключая, правда, политику. В нее, как и в обсуждение вопросов, связанных с руководством любого уровня, его втянуть было невозможно. Это можно было понять с учетом его национальности и сложности положения евреев в России, затем — в СССР, незабытые «дела врачей» и многое другое.

Иногда мы выезжали с ним на конференции, съезды, и нам было приятно, что нашего шефа окружала аура уважения и симпатии. Все это трудно оторвать от круга ученых-фтизиатров того времени, прошедших войну, испытавших лишения, но очень хорошо делавших свое дело: А.С. Мамолата, Б.П. Яценко, М.С. Двойрина, Е.Ф. Чернушенко, Л.С. Когосовой, Н.М. Бережной, С.А. Кшановского, М.М.Авербаха, Г.Г. Горovenko, И.С. Слепухи, М.А. Клебанова, Л.А. Митинской, Н.С. Пилипчука, А.Г. Хоменко, Р.И. Драпкиной, И.Г. Урсова. Не случайно в тот период фтизиатрия в СССР была одной из лучших в мире. Все эти ученые были и есть большими величинами в своем деле. Они знали и ценили Б.А. Березовского как равного себе, и частичка этого отношения досталась и нам, его ученикам.

Б.А. Березовский — учитель и человек

Личные воспоминания об учителе продолжает профессор Ю.М. Мостовой.

«О Борисе Абрамовиче Березовском я узнал задолго до того, как стал студентом Винницкого медицинского института им. Н.И. Пирогова. Он довольно часто консультировал мою маму. В то время ей ставили диагноз: «хроническая пневмония», а он, хотя и занимался туберкулезом, считался большим авторитетом в диагностике и лечении любых заболеваний легких. На этой почве общение семьи Березовских с моими родителями вскоре вышло за рамки формальных контактов и переросло в приятельские, что в дальнейшем сыграло большую роль в моей судьбе.

Следующая встреча с профессором Березовским произошла уже в студенческие годы. Он читал лекции по фтизиатрии. Это был яркий, энергетичный лектор! Речь его была эмоциональной, сочной, очень правильной, от нее «веяло интеллигентностью». Он приводил запоминающиеся клинические случаи, демонстрировал «знаковые» рентгенограммы, цитировал А. Чехова, Ф. Достоевского, приводил массу образных сравнений. Самой цитируемой книгой профессора Березовского было произведение О. Дюма-сына «Дама с камелиями», где с подробностями описано течение болезни у главной героини.

На одной из лекций профессор Березовский объявил о заседании студенческого научного кружка. Я его посетил. Заседание вел профессор, он радушно встречал студентов, с удовольствием представлял докладчиков, комментировал их сообщения, инициировал дискуссию. На заседании царил атмосфера коллегиальности. Запомнился уникальный фонендоскоп, кажется, с шестью отведениями. От трубки отходило шесть приспособлений для ушей, поэтому интересную аускультативную картину в легких могли слушать шесть студентов одновременно. В конце заседания он предложил темы будущих научных студенческих исследований. Я выбрал работу по дифференциальной диагностике острой пневмонии и инфильтративного туберкулеза легких.

Не буду описывать процесс ее выполнения. Это тема отдельного повествования. Расскажу о счастливом финале. Работу я докладывал на Всесоюзной конференции молодых фтизиатров СССР, которая благодаря авторитету профессора Березовского проходила в Виннице. Председательствовала на ней главный фтизиатр Российской Федерации профессор И.Е. Кочнова — величественная аристократического вида женщина, лауреат Государственной премии СССР. Она приехала в Винницу с мужем, известным хирургом, академиком В.С. Маятом, который

был членом «правительственного консилиума», т. е. входил в группу врачей, пользовавшихся первых лиц СССР. Моя работа заняла III место. Из рук профессора Кочновой я получил специальный диплом. Это были мое первое выступление на таком высоком форуме и первая научная публикация. Учился я на 4-м курсе. Теперь могу утверждать, что то посещение «кружка Березовского» стало для меня судьбоносным. Вскоре стал старостой этого собрания, поэтому имел возможность общаться с Борисом Абрамовичем часто. «Старостил» я до 6-го курса. Потом все завертелось по другой траектории. Но в 1979 году, когда кафедра фтизиатрии расширялась, образовались свободные вакансии, и профессор вспомнил обо мне. Пригласил на разговор и сказал: «Есть возможность стать сотрудником кафедры (ассистентом или старшим лаборантом). Давайте думать вместе, как это осуществить». В 1980 году я стал ассистентом. Одним из аргументов было мое длительное пребывание в «туберкулезном кружке», но в первую очередь — желание Березовского видеть меня преподавателем кафедры.

Вскоре встала проблема темы кандидатской диссертации. И здесь снова роль профессора оказалась очень высокой. Короткая предистория к дальнейшему повествованию. Параллельно с фтизиатрическими вопросами, начиная с 4-го курса, под руководством еще одного наставника и учителя профессора Б.И. Когана я занимался изучением антропогенетики. Мы довольно серьезно поднаторели в вопросах соматотипирования, генетики антигенов крови, дерматоглифики. Это тот багаж, который впоследствии мне очень пригодился. Работая в библиотеке, я случайно наткнулся на книгу профессора Г.Р. Рубинштейна «Наследственность и туберкулез». Прочел ее в один присест. Автор на чем свет стоял поносил менделизм-морганизм и возносил до небес передовую мичуринскую биологию и её ярчайшего последователя профессора Т.Д. Лысенко. При этом дал абсолютно уникальный обзор литературы о роли генетических, наследственных факторов в возникновении туберкулеза. Даже мне, тогда еще не очень преуспевавшему в научной словесной эквилибристике, было понятно, как трудно автору объяснить то, что он объяснял! Как он боролся сам с собой, дабы доказать, что генетика — «продажная девка империализма», а «мичуринцы» — настоящие ревнители честной науки. Но на календаре были 80-е, а не 30-е годы XX столетия. Все стали мыслить по-другому, уже никто не боялся вслух произносить слово «ген», «хромосома», законы Менделя преподавали в школе. Я подумал: а что

если антропогенетику наслоить на фтизиатрию? Стал активно изучать литературу, при этом очень часто «натякаясь» на фамилии М.М. Авербаха, А.М. Мороза, В.И. Литвинова. Они в разной очередности попадались мне на глаза как авторы статей, разделов книг, монографий.

Понял, что мне нужна встреча с этими людьми, что должен получить их советы, консультации. Иду к Борису Абрамовичу, делюсь идеями, показываю результаты, кое-какие свои работы. Он сдержан, немногословен, задумчив. «Я хотел Вам предложить кое-что другое, но раз такой «запал», такой энтузиазм, пробуйте! Я немного знаю профессора Михаила Михайловича Авербаха. Он сейчас заместитель директора по науке НИИ фтизиатрии Российской Федерации. Очень авторитетный, влиятельный ученый, но когда-то мы с ним были очень дружны, жили в одной комнате, будучи на курсах, неоднократно вместе выступали на съездах, конференциях. Уверен, он меня вспомнит, если напишу ему письмо». Вырывает из тетради в клетку (это я точно помню!) листок и каллиграфическим почерком, довольно большими буквами, очень разборчиво пишет рекомендательное письмо.

Теперь с уверенностью могу сказать: письмо профессора Б.А. Березовского, написанное на тетрадном листке «в клеточку», стало моим пропуском в новую жизнь. В дальнейшем так сложилось, что моя семья и по жизни пересекалась с семьей профессора Б.А. Березовского. Мы жили по соседству с его дочерью Светланой. Наши дети, моя дочь Сусанна и сын Светланы Артур, ходили в один детский сад, учились в одном классе и были однокурсниками в Винницком медицинском институте. До сих пор они дружат семьями, часто навещают друг друга, хотя живут в разных странах. Нужно еще раз сказать спасибо судьбе, что так благосклонна была ко мне, в том числе и за то, что свела с профессором Б.А. Березовским».

Сегодня практически все средства массовой информации заполнили сюжеты о политиках, артистах. Однако далеко не на них держится мир. Именно благодаря ученым создается прогресс во всех сферах деятельности человека. И хотя не все становятся эйнштейнами и каплицами, каждый из ученых, особенно преподавателей, делает очень важное дело, приближая передовую науку к практической деятельности, обучая практиков всему передовому, что на этот день накопило человечество.

Именно таким скромным, но очень важным Человеком был профессор Борис Абрамович Березовский. Никто из нас не пошел по стезе эпидемиологии и организации борьбы с туберкуле-

зом, что было главным в его научной деятельности, но все мы воспользовались многогранным кругозором и эрудицией нашего учителя в иных сферах медицины, всем нам он «поставил» стиль написания и творческого изложения научной

мысли, научил анализировать и доказывать, воспитывать студентов, обследовать и лечить пациентов. Память о нашем Учителе и благодарность ему за все, что он для нас и многих наших коллег сделал, всегда будет с нами!

Б.М. Пухлик, Ю.М. Мостовой, С.В. Зайков